

УДК 316.722

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Бусько

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу особенностей, характерных для трансформации элиты общества в условиях глобализации. В работе выявляются тенденции, характеризующие формирование глобальной элиты и формы ее взаимодействия с обществом.

The article is devoted to analysis of particular features, characteristic for transformation of the social elite in the conditions of globalization. The tendencies that characterize the forming of global elite and forms of its interaction with the society are outlined in this work.

В современном социогуманитарном знании разработкой проблемы элиты занимаются различные дисциплины, что придает понятию элиты междисциплинарный статус. Однако родоначальницей изучения этой темы является философия. На Востоке в трудах Конфуция, а в Древней Греции в рассуждениях Платона впервые затрагиваются проблемы власти и управления обществом и задаются вопросами о том, какими должны быть качества правителей и каким должен быть смысл их деятельности. В течение веков философское знание обращалось к теме элиты в связи с проблемой взаимосвязи бытия общества и бытия человека, вырабатывая различные позиции и подходы к пониманию роли элиты в обществе, уточняя понятие элиты и его связи со смежными терминами. Не утрачивает интереса к проблеме элиты и современная философия, благодаря которой можно проследить те тенденции, которые связаны с феноменом элиты в современном обществе.

В социально-гуманитарном знании термин элита, этимологически связанный с французским прилагательным elite – лучший, отобранный, избранный, используется в разных смыслах. В более широком смысле под элитой понимают небольшие группы людей, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества и принимают ключевые решения в важнейших сферах общественной жизни. В более узком и часто используемом смысле под элитой понимаются группы людей, которые занимают высшие властные позиции и осуществляют основные функции управления обществом. Данное понятие практически совпадает с понятием политической элиты, которой большая часть современных авторов уделяет особое внимание. Направленность современных исследований элиты разнообразна. Некоторые авторы исследуют иерархию внутри самих элит, вводя понятия «стратегические элиты» и «сегментарные элиты» (С. Келлер), «суперэлита» и «субэлита»; анализируют вопросы

смены элит, оперируя терминами «оппозиционная элита» и «контрэлита» и т.д. Другие акцентируют внимание на новых тенденциях в отношениях элиты и общества в целом. Третьи сосредотачиваются на трансформации ценностных установок элиты в условиях глобализирующегося мира.

В целом можно выделить два основных подхода к понятию элиты: ценностный и структурно-функциональный. Сторонники первого подхода объясняют существование элиты особыми талантами, преимуществами, превосходством (прежде всего интеллектуальным, творческим, психологическим и т.д.) одних людей над другими. Второй подход разрабатывается на основе установки об исключительной важности функций управления для общества, которые определяют необходимость наличия в социальной структуре людей (не обязательно лучших, избранных), выполняющих эти функции [1]. Разногласия в подходах и определениях понятия элиты снимаются бесспорностью для сторонников различных позиций необходимости элиты для общества.

В последние годы проблема элиты в философском познании рассматривается в тесной связи с процессами глобализации и теми изменениями, которые они вызывают в социальной структуре общества, системах власти и подчинения, взаимодействии государств и регионов. Авторы ряда работ выявляют, как представляется, действительно значимые трансформации в отношениях элит к обществу, друг к другу, человечеству в целом.

Первая тенденция, которую выделяют многие исследователи, заключается в том, что национальные элиты «покидают свои народы». Если до начала глобализации элиты были достаточно тесно связаны с национальными государствами, которые выступали основными субъектами социально-политического развития, то по мере ослабления роли государства выявляется феномен «дезертирства элит» [2]. Так, американский исследователь К. Лэш отмечает: «...местная и региональная привязанность сегодня прискорбно ослаблены. ...Те, кто жаждет влиться в новые ряды новой аристократии интеллекта, склонны скапливаться на побережьях, разворачиваясь спиной к средоточью страны и культивируя связи с международным рынком скорого оборота, роскоши, моды и топ-культуры. Это еще вопрос, считают ли они себя американцами вообще. Безусловно, патриотизм занимает не самое высокое место в их иерархии добродетелей. «Мультикультурализм», безукоризненно им подходит, рождая приятный образ мирового базара, где... ни о чем не спросят и подписываться ни за что не потребуют» [3, с. 8-9]. Панарин считает, что дистанцирование местных элит от собственного народа связано с переходом от плюрализма мировых властей к

исключительной роли глобальной финансовой элиты, в результате чего национальные элиты стремятся войти в круги мировой финансовой власти [2, с. 28].

Вторая тенденция, которая обнаруживается в существовании современных элит, – это формирование глобальной элиты, которая видит гораздо больше общего в интересах высших кругов различного этнокультурного происхождения между собой, нежели в том, что связывает ее с массами. «Привилегированные группы в Лос-Анджелесе чувствуют более близкое родство с себе подобными в Японии, Сингапуре и Корее, чем с большинством своих соотечественников» [3, с.40]. В связи с этим возникает вопрос, перед кем должна нести ответственность глобальная элита и может ли объектом ответственности выступать все человечество. «Без национальных привязанностей, – отмечает американский автор Р. Райх, – люди не имеют особой склонности приносить жертвы или принимать ответственность за свои поступки. ...Мы учимся чувству ответственности за других, потому что разделяем с ними некую общую историю,...общую культуру,... общую судьбу". [Цит. по: 3, с. 41].

Следующую тенденцию, характерную для современной элиты, можно назвать инкапсулированием: элита тяготеет к самоизоляции от остальной части общества и существованию на основе принципа внутренней мобильности. Круги власти – финансовой, политической, связанной с искусством и индустрией развлечений пересекаются и становятся все более взаимозаменяемыми. Кинозвезды занимают политические посты и даже становятся президентами, политики поют и снимаются в кино и т.п. Эта тенденция проблематизирует действие принципа вертикальной мобильности в широком социальном смысле, который со времен П. Сорокина долгое время служил теоретическим обоснованием демократизации отношений между элитами и массами. Тема централизации элиты вызывает повышенный интерес со стороны ученых, прежде всего американских, часть которых придерживается плюралистических позиций, настаивая на том, что структура власти все-таки представляет собой множество центров взаимодействия и конкуренции. По мнению А. Ашина, плюралистические теории способствуют сохранению в массовом сознании образа справедливой демократической системы, учитывающей интересы всех групп населения, который, как отмечают многие западные ученые, выполняет определенные идеологические функции [1, с. 187]. Большая часть исследователей настаивает на тенденции самоизоляции элит от большинства и, несмотря на разработку идеи постэкономических ценностей, на особую роль экономической, прежде всего финансовой элиты в общих меха-

низмах управления обществом.

На фоне подчеркнутой публичности и постоянного присутствия в средствах массовой информации, современным элитам удается сохранять предельную анонимность и обезличенность, когда речь идет о механизмах принятия разнообразных решений, осуществления культурных стратегий, политики СМИ и т.д. На уровне массового сознания возникает впечатление, что VIP-персоны лишь озвучивают политические программы, разыгрывают сценарии, создаваемые некими реальными центрами власти, что порождает популярность различных конспирологических теорий, теорий заговоров и т.п. [4]. М. Хардт и А. Негри, характеризуя современное общество, пишут о существовании Империи, в которой труд, бывший на индустриальной стадии качеством промышленного пролетариата, децентрирован и разлит по нескончаемому единичам тех, кто находится в подчиненной позиции перед лицом вездесущего и утонченного контроля Империи. Носителем Труда в эпоху постмодерна становится не рабочий класс, но «множество» (multitude). Современная Империя реализует совершенно новый тип власти: она имеет три уровня контроля одновременно, соответствующие монархической, аристократической и демократической формам правления. Монархии соответствует накопление и угроза использования оружия, прежде всего ядерного. Аристократия империи представлена владельцами крупных транснациональных корпораций. Демократия подменена планетарным спектаклем, воплощенным в системе масс-медиа [5]. Но что интересно – империя в традиционном смысле подразумевает наличие всем известного повелителя и его почитание, но в данном случае те, кто находится у власти, представляют собой некую непубличную сеть с непрозрачными способами воздать себе должное. Культ императора подменяется культом денег, децентрируется и распространяется на тех, кто ими обладает в больших количествах.

В то же время, отмечая неравенство возможностей для вхождения в элиту, и концентрацию власти в руках немногих, характерную как для планетарного уровня управления, так и для многих современных государств, некоторые исследователи отмечают целесообразность такого положения вещей, проистекающую из необходимости эффективного управления. С одной стороны, подобные идеи усиливают позиции конспирологических теорий, в которых вызревают идеи «заговора банкиров», и шире – «экономического заговора» как источника глобальной власти. При этом новейшей формой конспирологии является концепция «мондиалистского заговора», «тайного мирового правительства», особенностью которой является то, что основным объектом исследования становятся Соединенные Штаты Америки как осо-

бый геополитический центр со специфическими и весьма подозрительными планами культурного и футурологического характера [4]. С другой стороны, целесообразность концентрации власти в руках немногих, связывают с необходимостью специализации функций элиты. Так, известный американский социолог Э. Тоффлер пишет, что социально-политическое развитие передовых в экономическом отношении стран в последние годы все больше заставляет отказываться от лозунгов правления большинства, характерных для эпохи индустриализма (или "второй волны", по его терминологии), и открыто признавать, что эпоха "сверхиндустриализма" ("третьей волны") – это «принцип власти меньшинств». [6, с. 659-660]. Квалифицированность правящего меньшинства, в свою очередь, связывают с особыми навыками и знаниями в области техники и технологий (технократия), управления и организации (менеджеризм), сетевой коммуникации (нетократия), объединяя все возможные варианты понятием «меритократия», под которым понимается «аристократия заслуг», сменяющая аристократию «крови и почвы».

При этом аксиологические акценты анализа современных элит в основном пессимистичны. В докладе Римскому клубу "Нет пределов обучаемости" осуждается позиция, согласно которой решение социальных проблем лучше предоставить элите экспертов, потому что массы инертны и не информированы, и выражается сожаление по поводу того, что широкие научные круги стоят в этом вопросе на стороне элиты. Та же мысль содержится в докладе Римскому клубу "К глобальному видению мировых проблем": "Будущее человечества является проблемой, которую нельзя предоставлять только узким кругам". В еще одном докладе "Микроэлектроника: к лучшему или худшему?" говорится об опасности появления всемогущей технократической элиты, отмечается, что развитие новейшей технологии создает технические предпосылки бюрократизации политической власти. "Микроэлектроника делает возможными всевидящие мониторы для тайного надзора элиты, оторванной от народа и противостоящей ему, за образом бытия и мыслей людей, создает широчайшие возможности для манипулирования их сознанием". "Симптоматично,– пишет японский социолог И. Масуда,– что мы все чаще наблюдаем острую критику концепций "эксперткратии" [Цит. по: 1, с. 312]. В последних работах Ф. Фукуямы ставится вопрос о том, что по мере развития биотехнологий может возникнуть узурпация возможностей их использования относительно небольшой частью человечества с возникновением новой расы господ, обладающей превосходствами, предоставляемыми технологиями генной инженерии, и на этой же основе невиданными возможностями ма-

нипуляции большинством [7, с. 223].

Всегда в истории элита выступала как референтная группа, создававшая новые образцы и идеалы культуры, распространявшиеся посредством механизма мимесиса, описанного А. Тойнби. Какую же направленность имеют паттерны, предлагаемые современной элитой? Во-первых, элита меняет области жесткого нормирования в обществе. Либералы из высших слоев выступают за санирование общества в одних отношениях (некурящая окружающая среда, борьба с теми, кто мусорит и пр.), и, в то же время, за расширение границ личного выбора в областях, где большинство людей нуждаются в основательных нравственных рамках (семейные ценности, сексуальные отклонения, проявления жестокости и т.д.). Во-вторых, культурная элита продвигает идею свободной чувственности (при этом эксплуатируется идея защиты прав человека, права личности на самоопределение), запускается на полную катушку индустрия удовольствий, преобладает ориентация на сиюминутность удовлетворения желаний. Все становится раскованными и никому ничем не обязанными. Главная проблема цивилизации – проблема долга, разрешение противоречия между инстинктивным «хочу» и социокультурным «надо» решается в пользу первого. Это не обязательно свидетельствует о нарастании иррационализма в стратегиях управления – есть ряд исследований, показывающих, что чувственная сфера поддается манипуляции и через конструирование желаний можно не менее успешно управлять массами, чем при помощи прямого насилия. Но в любом случае можно говорить об отказе от идеалов Просвещения, которые, по всей видимости, все-таки затрудняют эффективное управление огромными массами людей в современном обществе. В-третьих, современная глобальная элита через культурно-символические инновации ставит под сомнение ценность традиционного коллективного символического капитала, тем самым способствуя его разрушению.

Таким образом, для современной элиты характерно нарастание самоизоляции по отношению к народам, массам. В то же время наблюдается тенденция внутренней интеграции элит, их интернационализация вплоть до космополитизации. Формальные, протокольные отношения во взаимодействии национальных суперэлит активно сочетаются с неформальными. Отстаиванию национальных интересов своих народов элиты предпочитают внутренний консенсус, универсальным этическим нормам корпоративную этику, борьбе друг с другом противостояние «множеству». Симптоматично, что устоявшиеся в социальном познании логические оппозиции «элита – народ», «элита – массы» начинают дополняться парадоксальной дихотомией «элита - общество», что, воз-

можно, подспудно отражает тенденцию нарастающего противопоставления элиты социальной целостности. Поскольку социальные процессы стали как никогда ранее стремительны, современная элита активно обращается к выполнению конструирующей роли: разрушаются прежние идентичности, ослабляются традиционные формы социальной интеграции, создаются новые стили жизни, более удобное для управления обществом. При этом происходит смещение от стратегии конструирования общества через социальные институты к конструированию множества индивидов на основе «парадигмы телесности» посредством средств массовой коммуникации.

Литература

1. Ашин, А.Г. Элитология / А.Г. Ашин. – М., 2005. – 544 с.
2. Панарин, А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. – М., 2006. – 353 с.
3. Лэш, К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш. – М., 2002. – 220 с.
4. Дугин, А. Конспирология. Режим доступа: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=64>
5. Хардт, М., Негри, А. Империя. / М. Хардт, А. Негри. – М., 2004. – 502 с.
6. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М., 2002. – 776 с.
7. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. – М., 2004. – 349 с.

УДК 130.2

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Г.В. Гриненко

Всероссийская академия внешней торговли

г. Москва, Российская Федерация

Данная статья посвящена анализу мультикультурализма и его философских и культурных предпосылок в эпоху постмодерна.

This article is devoted to the analysis of Multiculturalism and its philosophical and cultural preconditions during an epoch of a postmodern.

Одной из важнейших новаций социальной жизни в эпоху постиндустриального общества стал мультикультурализм. Вот как определяет его Википедия – одна из наиболее популярных и авторитетных электронных энциклопедий: «Мультикультурализм — политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Важным отличием от политического либерализма, является признание мультикультурализмом прав за коллективными субъектами: этническими и культурными группами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и куль-